

— Быть тронутым твоими чувствами? — Сяо Юй холодно усмехнулся. — Теперь-то ты многое понял! Человек, который после смерти моей сестры заявился соблазнять меня в тот момент, когда я заливал вином горечь утраты, — с какой стати мне умиляться столь мерзким чувствам?

Мерзкие чувства?

В груди Гу Цзюэ невыносимо запылало, в горле подступил солёный привкус крови. Не сдержавшись, он снова закашлялся. Нащупав на столе хлопчатобумажный платок, он прикрыл им рот, и уже через мгновение ткань насквозь пропиталась влагой. Быстро скомкав платок, он спрятал его, скрывая кровавые следы.

Глубоко вздохнув и подавив влажный блеск в глазах, он посмотрел на Сяо Юя, стараясь говорить как можно более ровно:

— Лишь теперь я понял: после моего вступления во дворец твоё отношение ко мне — то холодное, то близкое, то отталкивающее, то манящее — на самом деле было лишь твоей уловкой. Это я был глуп и не мог постичь твоих замыслов. Должно быть, изводя меня подобной неопределённостью, ты желал, чтобы я испил побольше горечи в стенах дворца. А я-то думал, что однажды всё же сумею завоевать твоё сердце. Оказывается, с самого начала ты просто потешался надо мной.

Раньше он просто не мог поверить, что Сяо Юй решится на такое унижение, ведь их связывало прошлое, полное нежности. Даже если тот был к нему равнодушен, вряд ли стоило заходить так далеко. Он думал, что дело в его собственной слепой страсти, оттого он и не выносил присутствия во дворце других женщин; думал, что слишком много напридумывал. Но теперь всё встало на свои места: прежнее отношение было лишь игрой. Сяо Юй нарочно держал его на крючке, заставляя верить, что у него ещё есть надежда, чтобы он потерял рассудок и, будучи мужчиной, опустился до мелочной грызни с остальными наложницами.

И те интимные ночи... Гу Цзюэ верил, что хотя бы в те моменты Сяо Юй испытывал к нему искреннюю любовь, пусть даже ценил лишь его тело. А теперь, подумать только, сколько раз в душе тот наверняка называл его презренной шлюхой!

Мужчина, что покорно ложился под него — поистине, это было омерзительно до предела!

Сяо Юй мрачным взглядом смотрел на следы крови у него на губах, на его прерывистое дыхание, и на мгновение им овладела странная паника. Но стоило услышать тон Гу Цзюэ, как в нём поднялось невиданное доселе раздражение:

— Ляньюэ погибла из-за тебя! Неужели пара капель горечи кажется тебе несправедливой? Ты всего лишь понёс лёгкое наказание! Ты до сих пор стоишь здесь целым и невредимым, а от Ляньюэ не осталось даже праха! По сравнению с ней чего стоят твои страдания?!

— Верно, — лицо Гу Цзюэ казалось почти безжизненным. — Она мертва, а я всё ещё жив.

При этих словах он вдруг рассмеялся и взглянул на Сяо Юя:

— Наверное, когда я умру, ты наконец обретёшь покой. То, с каким глубоким чувством Ваше Величество оплакивает Гу Ляньюэ, поистине вызывает восхищение. Такой бесстыдник, как я, достоин лишь ожидать здесь своей смерти в глубинах дворца. Умереть — вот лучшее, что я могу сделать.

Вся его жизнь теперь казалась сплошной насмешкой. Когда-то, делаясь с другом своими чувствами к Сяо Юю, он говорил, что готов отдать ему жизнь, если тот потребует. Выходит, слова стали пророческими — Сяо Юй и впрямь жаждал его смерти.

Заметив, сколь спокойно собеседник произносит эти слова — ведь раньше в подобных разговорах он бы обязательно сорвался в истерику, а теперь был совершенно беспристрастен и равнодушен, — Сяо Юй насторожился. Странности в поведении Гу Цзюэ ощущались и раньше, но те касались лишь манер, в остальном перед ним всё так же стоял прежний Гу Цзюэ. Откуда же взялось это ледяное спокойствие при упоминании истинной причины его появления во дворце?

Учитывая взрывной характер Гу Цзюэ, Сяо Юй даже не удивился бы, бросься тот на него с ножом. Прищурившись, он спросил:

— О чём ты думаешь?

Услышав этот вопрос, Гу Цзюэ лишь горько усмехнулся про себя: неужели тот всё ещё не понял? Боль была слишком сильной, но разум от этого стал лишь яснее.

— Я скоро умру.

Он произнес это спокойно, наблюдая за реакцией Сяо Юя. Раньше он боялся увидеть на этом лице равнодушие при мысли о собственной смерти и потому молчал. Теперь же страх исчез.

— Что ты сказал? — услышав это, Сяо Юй сначала вздрогнул, но, заметив совершенно отрешенный вид Гу Цзюэ, мгновенно вспыхнул: — Ты смеешь лгать мне! Неужели ты и впрямь думаешь, что я не посмею тебя убить?

Стоило ему признаться, что Гу Цзюэ попал во дворец ради мести за Ляньюэ, как тот тут же заговорил о скорой смерти? И ладно бы только это — в ту секунду сердце Сяо Юя пропустило удар, острая боль пронзила грудь, едва не заставив броситься к нему и схватить за руки с вопросом, что случилось. Но судя по лицу Гу Цзюэ, человек, стоящий на пороге смерти, вряд ли мог выглядеть столь безмятежно. Выходит, тот просто решил его испытать!

Лолжь?

Разве он хоть раз в жизни лгал ему?

Глядя на разъяренного Сяо Юя, Гу Цзюэ безразлично бросил:

— Ваше Величество, разумеется, вольны убить меня.

Возможно, удар был слишком силен, но сейчас Гу Цзюэ уже было всё равно. На его губах даже мелькнула слабая, бледная улыбка.

Эта улыбка в сочетании с кровью на губах и неестественно-алым цветом рта при мерцающем свете свечей выглядела жутковато.

Сяо Юй даже почувствовал лёгкий холодок на спине, но, заметив женское платье, принесённое недавно Ван Хаем, внезапно всё понял:

— Гу Цзюэ, чтобы не надевать это дворцовое платье, ты готов даже расстаться с жизнью? А я всё равно заставлю тебя примерить наряд служанки! Эй, стража!

На глазах у Гу Цзюэ в комнату вошли трое или четверо евнухов. Сяо Юй приказал:

— Сорвите с него одежду и переоденьте в платье служанки!

Двое евнухов немедленно бросились вперед: один крепко прижал его руки, другой — ноги. Третий принялся срывать с него одежды, а четвертый уже разворачивал женский наряд.

Гу Цзюэ даже не сопротивлялся. В его глазах погасли последние искры света, он просто позволяла евнухам делать с собой всё что угодно.

Стоило одеждам опасть, как тело Гу Цзюэ со следами недавней близости предстало перед чужими глазами.

По сравнению с тем, каким он был семь месяцев назад, Гу Цзюэ сильно исхудал. Прежние пропорциональные формы сменились угловатой худобой; при свете свечей его болезненно-бледная кожа казалась почти золотистой. Взгляд Сяо Юя упал на руки евнуха, обиравшего постельщика.

Раньше, когда он сам пытался раздеть его, Гу Цзюэ отчаянно сопротивлялся. Почему же теперь, когда чужие слуги хозяйничают на его теле, он не выказывает и тени протеста?

Наблюдая, как чужие ладони шарят по его обнаженному торсу, как евнух тянется к его нижней одежде...

— Вон! — Сяо Юй с яростью оттолкнул евнухов, резко притянув Гу Цзюэ к себе.

Смертельно перепуганные евнухи попадали на колени.

Бессильно повиснув в чужих руках, словно марионетка на ниточках, Гу Цзюэ наблюдал, как Сяо Юй выгоняет слуг прочь, и в комнате вновь остаются только они двое. Гу Цзюэ прекрасно понимал: дело вовсе не в милосердии. Просто Сяо Юю стало скучно смотреть? Или потому, что тот не сопротивлялся?

Сяо Юй сжал его щеку пальцами:

— Почему ты не сопротивлялся?

Ох, дело и правда было в этом — ему показалось пресным, что пленник не оказывает сопротивления. Гу Цзюэ угадал верно, но от этого ничуть не полегчало.

Скрипнув зубами, Сяо Юй швырнул его на пол. Гу Цзюэ зашелся в приступе кашля, но даже не попытался подняться, так и оставшись лежать на холодном полу.

Ледяной взгляд Сяо Юя впился в него:

— Я хочу, чтобы ты оделся сам, Гу Цзюэ! Поднимись и надень это на моих глазах!

Гу Цзюэ с трудом ловил воздух:

— Я не стану это надевать.

Сяо Юй сжал зубы:

— Что? Или тебе больше по душе, когда тебя раздевают евнухи?!

В этих словах сквозила ревность мужа, застигнувшего жену за изменой. Эта мысль вызвала у Гу Цзюэ горькую усмешку, и в нем проснулось желание огрызнуться:

— Разве не Ваше Величество приказал им раздеть меня? С каких пор это стало моим любимым занятием?

Он замолчал, а насмешливый блеск в его глазах стал еще отчетливее:

— Впрочем, даже если мне действительно по душе их забота, что с того? Пожалуй, предпочти я любого из них Вашему Величеству, это оказалось бы куда лучше.

— !! — Глаза Сяо Юя распахнулись от изумления. Лицо его почернело пуще грозовой тучи, а в зрачках мгновенно вспыхнула смертная жажда: — Ты... что... сказал?!

Глядя на разъяренного мужчину, чья ревность напоминала поведение обманутого супруга, Гу Цзюэ находил это всё более и более абсурдным:

— Разве не так? Если бы я просто прельстился евнухом, неужели я скатился бы до нынешнего

состояния? Подумать только, окажись моим избранником евнух, а не Ваше Величество, это стало бы величайшим благом!

Он посмел сравнить его с какими-то евнухами! Да еще и заявил, что тот лучше него!

Лицо Сяо Юя потемнело до цвета сажи. Рассвирепев от гнева, он с усмешкой бросил Гу Цзюэ:

— Ты и впрямь не стоишь и мизинца Ляньюэ! До чего же бесстыден! Когда мы только встретились с Ляньюэ, она носила вуаль и даже не смела взглянуть на других мужчин, а ты? Мало того что сам навязался мне в постель и пал ниже некуда, так еще и заришься на евнухов!

Гу Цзюэ от неожиданности даже забыл оскорбиться обвинениями в распущенности и склонности к евнухам:

— Вы с Гу Ляньюэ встретились тогда на главной улице! Я ведь тоже был там: лошадь понесла, она едва не упала в толпе, а ты спас ее. Какая к черту вуаль?! Ваше Величество так безумно любит Гу Ляньюэ, но позабыл даже, где именно вы познакомились?

Схватив его за щеку, Сяо Юй сжал её с такой силой, что Гу Цзюэ умолк на полуслове.

— Что тебе знать? — прорычал Сяо Юй. — Наша первая встреча с Ляньюэ произошла за полмесяца до того случая, в загородном поместье. Я только прибыл в Байюйцзин и встретил её на окраине.

В голове Гу Цзюэ мелькнула тень сомнения. Загородное поместье? У клана Гу действительно было имение на окраине Байюйцзина, и они с другом частенько туда наведывались. Но Гу Ляньюэ? Её положение в клане было незавидным, к тому же она всеми силами старалась поддерживать репутацию благовоспитанной девицы — с какой стати ей тащиться в загородное имение? Насколько помнил Гу Цзюэ, она никогда туда не ездила.

Но тут вспышка озарения пронзила его сознание, глаза Гу Цзюэ расширились, и он с силой оттолкнул руку Сяо Юя, сжимавшую его лицо:

— В тот день, когда ты встретил Гу Ляньюэ, на ней... на ней была вуаль и платье цвета морской волны, верно?

Сяо Юй прищурился:

— Откуда тебе знать?

Сердце Гу Цзюэ затрепетало. Он отказывался верить в столь нелепую и жестокую шутку судьбы.

Глядя на застывшего перед ним Сяо Юя, он прошептал:

— Ты помнишь всё до мелочей... Неужели ты влюбился в ту самую «Гу Ляньюэ» с первого взгляда?

Сяо Юй чувствовал скрытый подтекст в его словах, но скрывать свои чувства к Гу Ляньюэ не собирался — о них знала вся Поднебесная:

— Разумеется.

Вспоминая прошлое, он смягчился:

— Тогда Ляньюэ была так полна отваги и стати. Покинув поместье клана Гу, она умчалась вскачь, и мне показалось, что ни одна женщина в мире не сравнится с ней.

Глядя на ностальгическое выражение лица Сяо Юя, Гу Цзюэ хотел рассмеяться, но смех застрял в горле. Какая к черту Гу Ляньюэ!

Это же был он! Это был Гу Цзюэ!

Хотя точная дата стерлась из памяти, он хорошо помнил тот день, когда они с другом поспорили на рыбалке у поместья клана Гу: кто наловит больше рыбы, тот загадает побежденному любое желание.

Обычная забава золотой молодежи, на которую Гу Цзюэ легко согласился.

Вот только он проиграл. А друг заявил, будто матушка заставляет его жениться на нелюбимой девице из знатной семьи, и потребовал: «Иди и сорви помолвку, прикинувшись женщиной! Если не согласишься, нарядись девицей сам и проскачи верхом вокруг всего Байюйцзина, иначе дело не с концом!»

Конечно, устраивать скандалы Гу Цзюэ не собирался, но и нарушать слово было не в его правилах. Стиснув зубы, он переоделся в женское платье, набросил на лицо вуаль и с ледяным выражением лица промчался верхом по улицам Байюйцзина!

Кто же знал, что именно в тот день Сяо Юй прибыл в Байюйцзин! И еще меньше он ожидал, что этот безумец примет его, скачущего верхом на коне, за Гу Ляньюэ!

Гу Цзюэ полагал, что его любовь и без того была верхом нелепости, но жизнь преподнесла шутку еще более жестокую: с самого начала Сяо Юй запал именно на него!

А он все эти годы искренне считал, что заменяет Гу Ляньюэ!

Гу Цзюэ был готов смеяться прямо в лицо Сяо Юю. До чего же смешно! До боли смешно!

Сяо Юй кичился своей преданностью памяти Гу Ляньюэ, не подозревая, что даже его первоначальный интерес к ней зародился из-за Гу Цзюэ.

А он? Разве не смешон он сам, усердно игравший роль жалкой тени?

В голове Гу Цзюэ всплыл настойчивый голос: скажи ему! Даже умирая, пусть Сяо Юй узнает, что с самого начала он ошибся человеком. То, как он обращался с ним, как растоптал его — одной этой правды хватит, чтобы всласть посмеяться над ним.

Мысль промелькнула и угасла.

Другой голос внутри него отвечал с кристальной ясной жестокостью:

Всё уже кончено. В сердце Сяо Юя есть место только для Гу Ляньюэ, а для него, Гу Цзюэ, там приготовлен лишь ярлык бесстыдной шлюхи, навязывавшейся в постель. Стоит ли выкладывать правду? Она вызовет лишь новый приступ хохота, да и кто в это поверит?

Да, он не поверит. Даже если сказать правду в лицо, тот сочтет это за очередную ложь.

Гу Цзюэ думал, что у него больше не осталось слез, но эта правда и клубок запутанных, неразрешимых чувств взяли свое. Крупные капли покатались по щекам, срываясь вниз одна за другой.

Взгляд его потускневших глаз словно вновь обрел искорку под воздействием этой влаги. На дне души скопилось столько обиды, что сдержать её больше не было сил; все подавляемые муки прорвались наружу. Он плакал беззвучно, но так надрывно, что казалось — его грудь разрывается на части.

Сяо Юй никак не ожидал увидеть слезы Гу Цзюэ. На мгновение его охватило изумление.

Гордый Гу Цзюэ никогда прежде не позволял себе выглядеть столь жалко перед ним.

И впрямь жалко: слёзы струились непрерывным потоком, он закусывал губы, стараясь не издать ни звука, отчего его шея напрягалась и дергалась; дыхание сбивалось, переходя в приступы удушающего кашля. Сопли и слёзы смешались на лице, а исхудавшее тело сжалось в комок — словно брошенный ребенок.

Растерявшись от вида этого унижительного, безутешного горя, Сяо Юй даже не находил слов. Он не понимал, почему Гу Цзюэ вдруг разрыдался с такой силой; тот всё плакал и плакал, захлебываясь кашлем.

Привычное раздражение, что то и дело вспыхивало в груди рядом с Гу Цзюэ, вновь захлестнуло

Сяо Юя:

— Замолчи!

Этот окрик предельно ясно дал понять Гу Цзюэ: посмотри же, он никогда не пожалеет тебя, ему нет дела до причин твоих слёз. Он не любит тебя. Никогда не любил.

Гу Цзюэ поднял голову. Через затуманенную слезами пелену он различал лишь силуэт Сяо Юя, черты лица расплывались.

Сяо Юй же, глядя на то, как Гу Цзюэ, захлебываясь слезами, упорно всматривается в него, ощутил в груди странную, невыразимую тоску. Промелькнуло дикое, пугающее предчувствие: неужели Гу Цзюэ смотрит на него в последний раз?

Испугавшись собственной мысли, Сяо Юй помрачнел лицом и прорычал сквозь зубы:

— К несчастью!

Услышав это, сердце Гу Цзюэ болезненно сжалось. Три года любви, отданные без остатка, душа и сердце, брошенные к чужим ногам... Выходит, он полюбил столь бездушного человека.

Хотя нет... дело не в бесчувственности. Просто чужое сердце никогда не предназначалось для него.

Острая боль пронзила его с такой силой, что Гу Цзюэ невольно улыбнулся:

— Сяо Юй... твоя месть удалась на славу.

Да, поистине блестяще. Настолько успешно, что теперь, чувствуя приближение смерти, он всё еще не мог выкинуть его из головы. Только бы в следующей жизни — если таковая будет — ему не встретиться с человеком, способным так разрушить чужую жизнь.

Едва стихли эти слова, боль в груди окончательно вышла из-под контроля.

— Кха! — Гу Цзюэ изверг фонтан крови, после чего рухнул на пол, словно лишившись всякой опоры.

Его хрупкое, исхудавшее тело неподвижно растянулось на холодных плитах.

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Настолько зловещая, что Сяо Юй слышал лишь собственное дыхание. В голове образовалась звенящая пустота; он смотрел на распростертое на полу тело, на отсветы пламени свечей, окрасившие его обнаженный торс в призрачно-багровые тона.

На мгновение миру вокруг придалось какое-то галлюциногенное искажение. Глядя на лужу крови и неподвижного человека, Сяо Юй с ужасом подумал, что всё вокруг — обман. Кровь ненастоящая: здоровье Гу Цзюэ всегда было отменным, с чего бы ему харкать кровью? И что значит его фраза о том, что месть удалась?

— Гу Цзюэ, брось притворяться мертвым! Этот номер у тебя не пройдет!

В ответ ему звучало лишь эхо собственных слов.

— Гу Цзюэ... — Сяо Юй сам не заметил, как опустился на колени перед ним. Протянув руку к измазанным кровью губам, он с ужасом обнаружил, что пальцы невыносимо дрожат.

Но сейчас ему было не до дрожи в пальцах — в голове билась лишь одна мысль: не может быть! Неужели Гу Цзюэ мог настолько расстроиться лишь оттого, что узнал истинную цель своего заточения?

Три года во дворце Сяо Юй не раз отчитывал его, но тот всегда упорно сопротивлялся. Узнав правду о причине своего прихода во дворец, он должен был озлобиться еще сильнее.

Но в памяти стояли его заплаканные глаза... Рука Сяо Юя сама собой потянулась к носу Гу Цзюэ.

Уловив едва заметное, еле теплящееся дыхание, Сяо Юй словно очнулся от кошмара. С диким криком он подхватил тело на руки:

— Ван Хай! Зови лекаря!

Подняв его, он вновь с болезненной ясностью ощутил всю хрупкость этого истощенного тела. С каких пор он успел настолько исхудать?

Прибывший лекарь застал императора с мрачным, темнее тучи лицом. Тот бросил лишь два слова:

— Спаси его!

Сердце лекаря пропустило удар, но времени на раздумья не оставалось. Он быстро опустился на колени, перехватил запястье Гу Цзюэ, а затем бледный как полотно поднял глаза на Сяо Юя:

— Ваше Величество... во время лечения молодой господин Гу может испытать сильнее боли и отторжение.

Раздраженный Сяо Юй оборвал его:

— Просто верни его к жизни! Он же не кисейная барышня, неужели не стерпит немного боли?

Лекарь растерянно заикнулся, дрожа от страха:

— Тело молодого господина Гу и без того крайне истощено, боюсь, он не вынесет столь мощного вмешательства. У меня... лишь три шанса из десяти.

Три шанса из десяти?

— Что значит три шанса?! — раздражение Сяо Юя переросло в свирепую ярость. Жажда убийства в его глазах заставила лекаря вжаться в пол так, что тот едва держался на ногах. Сузив зрачки, Сяо Юй процедил сквозь зубы: — Что ты имеешь в виду?

Лекарь трясся от ужаса, едва соображая, как подобрать слова:

— Осматривая молодого господина Гу ранее... я обнаружил у него запущенную чахотку. Нынешний удар крови истощил его жизненные силы до предела. У меня есть секретный семейный метод очищения застоявшейся в груди крови, но при нынешнем состоянии... боюсь, молодой господин Гу может не дожить даже до конца иглоукалывания.

Чахотка? Удар крови?

Не доживет до конца иглоукалывания?

В груди Сяо Юя гулко, словно набат, заколотилось сердце. Там, внутри, внезапно образовалась зияющая, ледяная пустота.

Он опустил взгляд на лежащего на кровати Гу Цзюэ. Сяо Юй уже давно не вглядывался в это лицо; точнее, с самого момента прибытия во дворец сильное сходство с Гу Ляньюэ лишь питало его неприязнь, из-за чего он избегал пристально разглядывать его черты. Но теперь, всмотревшись повнимательнее, он увидел мертвенно-бледную кожу, бесцветные губы и едва вздымающуюся грудь. Если бы не знание о том, что тот еще жив, на секунду могло показаться, что перед ним лежит бездыханный труп!

И все же Сяо Юй упорно отказывался верить:

— Он же не хрупкая девица! С чего бы ему быть столь нежным? Перед арестом он был совершенно здоров, неужели за какие-то полгода заточения у него развилась чахотка?

Лекарь пластом лежал на полу — решался вопрос жизни и смерти, времени на объяснения не оставалось:

— Прошу Ваше Величество принять решение.

Кулаки Сяо Юя сжались с такой силой, что побелели костяшки. Лицо окаменело, челюсти свело судорогой. Лекарь не смел поднять глаз, но чувствовал, что любое неверное движение способно спровоцировать кровавую развязку.

— Какова будет его участь, если не прибегать к твоему методу?

<http://bllate.org/book/21167/2144644>